*Н.С.Мухаметшина**

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В статье рассматриваются символы, мифы, ценности как основные элементы идеологии. Анализируется конкретное содержание типичных для этнического национализма идеологем. Особое внимание уделено современной идеологии русского, башкирского, татарского национализма.

С позиций современного социального знания феномен национализма рассматривается как идеология и политика, обеспечивающие этнической (национальной) культуре «политическую крышу» или самоопределение через какой-либо вариант государственности.

Идеология как логически обоснованная доктрина, отражающая интересы нации-этноса или нации-государства, в большей или меньшей степени опирается на этнические ценности, символы, мифы. В идеологии гражданского национализма этнические ценности не играют существенной роли, так как она опирается на универсальные ценности. В идеологии этнического национализма, а именно эта идеология имеет место быть на геополитическом пространстве бывшего СССР, этнические символы, мифы, ценности приобретают особое значение и звучание.

Символы, а точнее – символика, то есть совокупность символов, изначально имели этнический характер. Символы обязательно подтверждаются мифом. *Под мифом* в данном контексте понимается объяснительное повествование, включающее элементы реальности и ментальные представления о них. В современных урбанизированных обществах сфера проявления этнической символики является довольно ограниченной: геральдика, национальная классическая литература, история, отдельные элементы традиционной материальной культуры, ценностные автостереотипы. Этнические символы помимо основной функции – удовлетворение тех или иных потребностей своих носителей – являются маркерами, отличительными знаками. Повсеместно в ходе этнического ренессанса последнего времени можно наблюдать стремление возродить, (вос)создать этнические символы: гербы, флаги, памятники национальным героям, произведение национальных классиков и так далее, вплоть до популяризации игры на национальных инструментах. Возрожденная символика предполагает возрождение мифов. Но мифов «осовремененных», отражающих менталитет современного индивида и общества. В этих новых мифах можно увидеть не только собственно этнические элементы, но и «следы» современной культуры, в том числе политические «мотивы».

Мифологизированное сознание, миф как культурный архетип, роль мифологии в формировании национального и классового самосознания и другие аспекты феномена мифа изучались представителями различных социально-гуманитарных наук. Среди них: З. Фрейд, К. Юнг, Э. Кассирер, М. Элиаде, Х. Леви – Стросс, А.Ф. Лосев, Е.М. Ме-

* © Мухаметшина Н.С., 2004

Мухаметшина Наталья Семеновна – кафедра социологии и политологии Самарского государственного университета

летинский, С.А. Токорев. Все исследователи признают значимость мифов не только для традиционных обществ, но и для современных рационализированных социальных систем. В частности, изучение роли политического мифа, националистического и этнического мифов подтверждает устойчивость мифологического мышления. «Введенный К. Юнгом термин «архетип» стал емким обозначением отложенного в коллективном подсознании предшествующего культурного опыта, из недр которого вновь и вновь выходят мифологические образы и символы» [1.С.172-173]. Примером соединения идеологии и мифа (мифологизированной идеологии) можно считать марксизм. Интересной представляется позиция Л.Г. Иониной, предлагающего помимо политической и культурной формы национализма рассматривать еще одну – мифологизированный национализм [2.С.167-168]. На наш взгляд, «сотворение мифов» – характерная черта всех «национализмов», включая гражданский. Этнический национализм, обращаясь к этническим символам, мифам, активно включая их в современную систему ценностей, имеет возможность более активно воздействовать на аффективные состояния людей. Можно выразить эту мысль и несколько иначе: использование символов и мифов актуализирует эмоциональный и поведенческий уровни этнического самосознания. При этом когнитивный уровень не исключается, но апелляции к логике, осознанному восприятию отходят на второй план.

Анализируя «сценарии» национальных движений, имевших место на постсоветском пространстве, можно увидеть не только одинаковые сюжеты, типичные способы их использования, но и некоторые тенденции. Так, чем радикальнее цели и средства, предлагаемые политической и «символьной» элитами, тем активнее используются символы и мифы. Все сказанное можно отнести и к национализму русских: несмотря на их доминирование в большинстве сегментов российского социума, идет активная мифологизация жизненного пространства русского этноса. Объяснить такое повышенное внимание к мифам можно, если обратиться к функциональной стороне феномена. В обозначенной ситуации особое значение имеют такие *функции мифа*, как формирование коллективной идентичности и ее поддержание. Один из надежных способов – обращение с помощью мифов и символов к эмоциям. Реализация коллективной идентичности происходит через ценности и нормы. Так этническая символика и мифы включаются в *систему ценностей*.

Ценность можно определить как компонент социальной системы, наделяемый индивидуальным или общественным сознанием особым значением. Ценностью может обладать любой реальный или воображаемый объект при условии, что он служит фокусом устремлений, желаний групп или индивидов, рассматривается как важное условие существования. Ценности – важнейший регулятор поведения [См.3]. В данном контексте особое значение имеют социальные ценности. Принято рассматривать политические, религиозные, этнические, идеологические и другие социальные ценности. Ценности непосредственно связаны с общественными идеалами. Субъектами ценностей являются: общество, нация (этнос), класс, партия, группа, индивид. Ценности – это представления, которые определяют поведение индивида в разнообразных жизненных ситуациях, дают возможность ориентироваться в социальном пространстве. Поскольку ценности являются «общественным достоянием», то есть разделяются большим или меньшим количеством других индивидов, они упорядочивают это пространство. В каждом обществе складывается специфическая система ценностей, которая не только изменяется вместе с развивающимся обществом, но и сама может трансформировать общество. Речь идет, прежде всего, о наиболее значимых ценностях, которые создаются духовной или политической элитой (идеологами), активно внедряются в массовое сознание, принимаются большинством (становятся общепринятыми). История любого народа или государства содержит примеры таких ценностей, которые

в буквальном смысле задавали ритм социальной деятельности и оказывали заметное влияние на конечный результат. Классический пример, убедительно проанализированный М. Вебером, – это роль протестантских ценностей в становлении рыночной экономики [См.4].

Ценности создают достаточно гибкий уровень социальной регуляции, так как предполагают некий выбор. Но немногие индивиды способны сделать выбор самостоятельно, предпочитая пользоваться в повседневной жизни уже готовым набором предписаний, рекомендаций, аккумулированных в обычаях, традициях, иных социальных образцах. И хотя в современном обществе господствуют не этнические, а универсальные (общечеловеческие) ценности, на уровне «культуры повседневности» остается место для таких образцов поведения, которые «пронизаны» этничностью. В этнической социологии принято связывать распространенность подобных образцов поведения, их значимость для членов этнической группы с устойчивостью мезоструктуры.

Этнические (национальные) ценности проявляются и на идеологическом уровне. Рассматривая идеологию как систему идей, выражающих коренные интересы больших социальных общностей, в том числе этносов (наций), можно эксплицировать факторы и условия, при которых этические (национальные) ценности становятся идеологическими. Притом следует иметь в виду, что идеологизированные национальные ценности могут «уживаться» с демократическими, либеральными, или, как принято определять, общечеловеческими ценностями. Проблема соотношения является сложной и с точки зрения научного анализа, и с позиций конкретной политики. Не останавливаясь на этой проблеме, все-таки отметим, что опыт формирования и утверждения новых демократических идеологий в постсоветских государствах убеждает в том, как сравнительно легко происходят трансформации, в результате которых ценности меняют характер и направленность. В качестве примера можно привести идеологию демократического преобразования, созданную эстонской, латвийской, литовской «символьными элитами» и ставшую официальной в этих прибалтийских государствах. В идеологических конструкциях изначально использовались не только общедемократические, общечеловеческие ценности, но и этнонациональные, отражающие интересы титульных наций. Большинство граждан других национальностей, как известно, поддержали эту идеологию. В дальнейшем, по мере укрепления новой государственности, этнонациональные ценности приобрели еще большую значимость и, в конечном счете, стали инструментом дискриминации. Особенно характерна ситуация дискриминации по этническому признаку для Эстонии и Латвии.

Можно ли наблюдать подобные трансформации в современной политической истории России? Полагаем, что да. Конечно, они имеют своеобразие, обусловленное социальными, экономическими, политическими и рядом других факторов. К тому же уже более десяти лет российский социум существует в состоянии аномии. Идеология демократизации, сменившая коммунистическую идеологию, изначально не претендовала на роль общегосударственной идеологии. Более того, в течение ряда лет она существовала под демагогической вывеской «деидеологизированности». Только в бывших автономных республиках РСФСР идеология демократизации постепенно дополнялась четкими идеологемами национального возрождения, формирования региональной идентичности. В результате в ряде республик Российской Федерации, начиная с середины 90-х, создаются вполне различимые официальные идеологии, при этом в большей или меньшей степени, включающие этнонациональные ценности. Примерами действия таких «региональных идеологий» являются: Башкортостан, Татарстан, Чувашия, Республика Саха (Якутия). В Чеченской республике создание своей «региональной идеологии» произошло в первой половине 90-х годов [См.5].

Понимая *миф* как повествовательное описание материальных и духовных фрагментов реального мира, описание, хотя и предполагающее некую отрешенность, не-

точность, но все-таки не являющееся абсолютным обманом, вымыслом, подчеркнем, что этничность неразрывно связана с мифом. В этом смысле мифологизирована вся структура этнического самосознания, включающая когнитивные, эмоциональные и поведенческие элементы. Напомним, что Ю.В. Бромлей ввел в научный оборот узкое и широкое понимание этого феномена. В узком смысле – это национальная (этническая) идентификация. В более широком смысле этническое самосознание включает представления о типичных чертах своей общности, ее свойствах как целого – автостереотипы; представления об общности исторического прошлого народа; представления о территориальной общности, или о «родной земле»; представления о государственной общности; представления о достижениях культуры, или о культурном достоянии [6. С.176]. Впоследствии в структуру этнического самосознания стали включать и этнические интересы [7. С.166]. Этническое самосознание проявляется как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Поскольку в рамках статьи мы рассматриваем национализм, прежде всего, как идеологию, то в фокусе оказывается идеологический групповой уровень этнического самосознания. Прежде чем характеризовать националистические мифы, внесем еще одно уточнение. Нередко в основе этих мифов обнаруживаются мифы другого свойства, предполагающие не истолкование имевших место быть событий, реальных фактов, а «изобретение», выдумывание в буквальном смысле слова. Сила эмоционального воздействия таких мифов-сказок, убежденность в их истинности авторов и конститuentов превращает их в мифы-представления этнического самосознания.

По прошествии почти пятнадцати лет со времени активизации национальных движений можно с достаточной уверенностью говорить и об основных этапах в их развитии, и о мобилизующих проблемах, и о квинтэссенции этих проблем – характерных идеологемах. Значимость тех или иных проблем варьировалась на разных этапах, их конкретное содержание зависело от «места действия». *Типичными* можно считать темы экологии и здоровья народа; ущерба, нанесенного национальной культуре и особенно языку; древней и героической истории народа; необходимости восстановления или укрепления государственности; необходимости срочных мер по спасению национального самосознания, культуры. И как своеобразный итог разработки перечисленных тем можно рассматривать создание двух образов: образ народа-жертвы и образ врага (врагов). Все сказанное в полной мере относится и к русскому национальному движению и его идеологии. С той лишь разницей, что нарастание русского национализма в Российской Федерации начинается примерно с середины 90-х годов, то есть когда титульные этносы уже достигли некоторых результатов в виде суверенитетов и их активность заметно снизилась. Другое дело, что далеко не все группы населения суверенных республик ощутили преимущества нового политического существования. Как, впрочем, и сами представители титульных этносов в большинстве своем оказались «отодвинутыми» от доступа к социальным благам. Динамика политических процессов в республиках Российской Федерации в очередной раз подтверждает, что социальная стратификация является существенной, объективной характеристикой социума, а гомогенность этносов – идеологический миф. Другая особенность русского национального движения – это темпы развития. Если в союзных и автономных республиках движения буквально вырвались из латентного состояния и превратились в активные политические силы, то русское национальное движение развивается медленно, противоречиво.

Великая и героическая история – эта тема была и остается одной из самых актуальных для идеологии национализма всех титульных народов России, включая русский народ. Например, в период подъема национального движения и впоследствии татарские историки, литераторы, журналисты много писали о золотоордынском периоде,

Казанском каганате, явно идеализируя это время. Напротив, сгущали краски, видели только негативные последствия завоевания Казани русским царем Иваном Грозным и присоединения татарских земель к Московскому государству. Традиция отмечать 15 октября День памяти, возникшая в начале 90-х годов как символ древней героической истории татар, сохраняется до сих пор. Значимость этого символа трепетно поддерживается и политической элитой, и интеллектуалами. Об этом, в частности, свидетельствует проведение серьезного творческого конкурса на лучший вариант памятника павшим защитникам Казани. Несколько лет в республике активно собирались средства для сооружения монумента. Так, события, происходившие 450 лет назад, стали актуальными, приобрели политическое и культурное значение. В этом, несомненно, заслуга «символьной элиты». Во многих выступлениях лидеров татарского национального движения, в публикациях ученых и политиков проводилась и продолжает проводиться мысль о татарах как о государственном народе, о необходимости восстановления утраченной государственности.

Справедливости ради отметим, что только крайние радикалы видят татарскую государственность вне рамок Российской Федерации. Подавляющее большинство устранивало и продолжает устраивать ситуация разделенного суверенитета. Свои героически-трагические темы можно обнаружить и в идеологии башкирского национализма. Наиболее «звучащая» – это тема восстаний башкир против царизма. Проблема, действительно, мало изученная и отодвинутая на периферию советской историографии. В 1990-х годах она привлекла внимание многих башкирских исследователей и со страниц научных монографий и журналов перешла в новые учебники, в СМИ, стала достоянием массового сознания. Точнее – эликсиром для этнического самосознания башкир. В общественно-политической жизни Чечено-Ингушской республики актуальными стали такие исторические события, как Кавказская война, депортация периода Великой Отечественной войны. «Свои темы» нашлись в Чувашии, Мордовии, Северной Осетии (Алании), Республике Саха (Якутии) и у других народов. Вспомним, что пересмотр истории народов России и наполнение ее патетикой происходили на фоне другого пересмотра, начавшегося несколько раньше и в целом имевшего уничтожительную направленность. Официальная история России в период «перестройки и гласности» активно и безапелляционно наполнялась новыми мифами, которые стали шоком для значительной части советских граждан, но особенно больно ударили по самосознанию русских. В этом, на наш взгляд, заключается основная причина распространения идей неоязычества среди русской интеллигенции и, в частности, среди националистов. В этой интерпретации история русских оказывается еще более величественной и древней. Русские рассматриваются как прямые потомки древних ариев и даже инопланетян [См.8]. Характерно, что в конце 90-х годов идеология неоязычества, которую использовали русские националисты все предыдущее десятилетие, получила еще большее распространение, покорив и часть «символьной элиты». Согласимся с оценкой роли исторической памяти, исторического мифа для поддержания этнического самосознания, которую дают все исследователи этого феномена. Великое прошлое действительно держит, питает, укрепляет этническое самосознание. «Более того, чем более блестящим представляется народу его прошлое, тем с большей настойчивостью он склонен претендовать на значительную политическую роль в современном мире. Националистическая, или этноцентристская, историческая версия играет огромную роль в легитимизации политических претензий или уже имеющихся политических прав» [9. С.5]. Таким образом объясняется увлеченность историческими сюжетами идеологов и участников национальных движений одним из самых известных отечественных исследователей националистических мифов В.А. Шнирельманом.

Можно отметить еще одну особенность воздействия на массовое сознание исторических мифов: чем ближе по времени находится событие, воспринимаемое как героическое

чески-трагическое, тем острее, эмоциональнее оно переживается живущими поколениями. Убедительным примером служит современная история чеченского народа. Роль исторических и этнополитических мифов в развитии чеченского национального движения рассмотрена в ряде исследований, наиболее полная и всесторонняя интерпретация сделана В.А. Тишковым в монографии «Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны» [См. 10]. Депортация 1944 года, ее социально-психологические, социально-экономические, культурные последствия оказались настолько значительными, что существенным образом повлияли на социальное самочувствие и поведение новых поколений. Несмотря на явные успехи в экономике, образовании, здравоохранении и других сферах восстановленной в 1957 году Чечено-Ингушской республики, массовые фрустрации продолжали нарастать. «Более того, в психологическом плане относительно самостоятельно нарастала национальная обида, потребность в компенсации каким-то образом горькой участи старших поколений» [11. С.36].

При этом историческая память находила опору и в настоящем: почти по всем социальным показателям Чечено-Ингушская республика занимала последние или предпоследние места в РСФСР. Национальная интеллигенция акцентировала внимание на этих фактах, а не на внутренних сравнительных успехах, тем самым формируя образ народа-жертвы. Параллельно формировался образ врага: абстрактный «имперский центр», «Россия» представляли со страниц прессы, научных публикаций как главные виновники бед и социальных проблем. Разумеется, подавляющее большинство интеллигенции, в том числе и «символьной элиты», не относили эти обвинения в адрес своих русских коллег, соседей, сограждан. В отличие от рефлексивной интеллигенции так называемые «простые люди» стремятся овеществить абстрактные образы. Эту особенность человеческого мышления «привязывать» идеи к определенным вещам, которые символизируют данные идеи, была подробно проанализирована Э.Дюркгеймом [12. С.35-69].

В контексте нашего исследования идея Э.Дюркгейма помогает объяснить рост русофобии и в Чечне, и в других регионах «взорвавшейся» политизированной этничности. Русские оказались символами имперского центра. Но и русские включились в процесс депривации. В регионах открытых конфликтов искать «врага» не приходилось. Образ был конкретным и узнаваемым, но дополнялся мифологизированными гетеростереотипами. В результате сложился некий собирательный, страшный образ «чечена», «дага», «азербота», «кавказца» и т.п. Этот образ вышел за локальные рамки и стал использоваться повсеместно. Мы сознательно не говорим здесь о механизмах формирования и трансляции образа врага русских (и не только), так как акцентируем внимание на предопределенности самого процесса националистического мифотворчества. Националистический миф обязательно включает в себя «образ врага». При этом враг может быть и внешним, и внутренним. В русском националистическом мифе – это Запад (как вариант – американцы), евреи (мировой сионизм), кавказцы (как варианты – южные народы, «черные», исламисты). Столь же предопределенным, обязательным является образ «народа-жертвы». Несмотря на очевидность того факта, что от либерально-рыночных реформ пострадало подавляющее большинство советских и российских граждан независимо от национальной принадлежности, русская «символьная элита» постоянно подчеркивает национальность жертв реформ, а тема геноцида русского народа не сходит со страниц соответствующих печатных изданий. Так демографические показатели превращаются в политические. Точнее, делаются попытки использовать «образ жертвы», как и «образ врага», в целях политической мобилизации. Активное использование названных образов, их выразительность и незамысловатость особенно характерны для политического этнонационализма. Видимо, поэтому такого рода мифы иногда называют этнополитическими, хотя и в культурном варианте этнонационализма можно увидеть квазиобразы «жертвы» и «врага».

Природа национализма предполагает обязательное обращение к еще одной «мифической» теме, а именно к теме государственности. При этом возможны как историческая ретроспектива, так и современные проблемы государственного строительства. Как правило, националистическая идеология ищет обоснование в истории. Выше мы уже останавливались на этом аспекте. Но подчеркнем еще один мотив – утраченная, но все-таки имевшая место быть государственность, даже если государственность существовала в неполном объеме или сравнительно недолго. Так, башкирская «символьная элита» подчеркивает тот факт, что первая в советской России автономная республика была именно Башкирия, что свою государственность башкиры считают с 1917 года. Татарские интеллектуалы используют два варианта происхождения государственности татар, видя ее истоки в Волжской Булгарии или в Золотой Орде. При этом постоянно подчеркивается сам факт наличия опыта государственного строительства. Некоторые чувашские националисты связывают историю народа, государственные начала с древними шумерами. Даже для русских, тысячелетняя государственность которых – научный исторический факт, «символьная элита» создает мифы-сказки и пытается сделать их мифами-представлениями [См. 13]. Историческая ретроспектива в данных случаях может рассматриваться как стремление политической и «символьной» элит обосновать, подтвердить право народа на самобытность, сохранение культуры, языка, самосознания и, в конечном счете, право на собственную «политическую крышу». Обращение к современности в принципе служит тем же целям. Но при этом несколько иначе выглядят приводимые доводы. Как правило, они сводятся к тому, что только в суверенном государстве (даже при условии разделенного суверенитета) удалось возродить культуру, язык, поднять уровень жизни, провести демократические преобразования. Последние достижения относятся ко всем жителям республики. Русские националисты говорят о необходимости укрепления российской государственности. И с этим трудно не согласиться. Но одним из основных способов достижения поставленной цели считают официальное закрепление за русским народом статуса государственнообразующего. Представляется, что данный статус есть категория историческая, а не юридическая. История России уже доказала правомерность определения русского народа как государственнообразующего. Кстати, башкирская и татарская «символьная элита» пытается ввести в политическую практику и в правовое поле подобную категорию, а именно – «республикообразующая нация».

Таким образом, националистический (этноцентристский) миф выполняет две основные функции: адаптационно-защитную и инструментальную. Адаптационно-защитную функцию некоторые исследователи предпочитают называть компенсаторной [14. С.10]. На наш взгляд, более точно выражает сущность этноцентристского мифа первое понятие, которое фиксирует имманентное качество подобного мифа. И хотя подобные мифы всегда присутствуют в этническом самосознании, особое значение они приобретают в трудные, критические периоды истории того или иного народа. Под инструментальной функцией подразумевается следующее: интеграция этнической общности, а также мобилизация энергии ее членов на достижение конкретных задач. Например, распространение идеологием славянского единства, основанного на общей истории и родстве в период югославского кризиса и, особенно, во время силовой операции США, имело конкретные цели по сохранению территориальной целостности государства. В то же время идеологемы славянского единства, наряду с другими идеологемами, сплачивали, придавали силы и уверенность гражданам Югославии.

Библиографический список

1. Ерасов Б.С. Социальная культурология. Ч. 1. М.: Аспект Пресс, 1994.
2. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.
3. Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С.871-873; Ерасов Б.С. Указ. соч. С.122.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61-306.
5. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2002. С.263-304.
6. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1988.
7. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999.
8. Шнирельман В.А. Второе пришествие арийского мифа // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1998.№1. С.89-107; Он же. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и политика // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Вып.3. Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2000. С.12-33; Мухаметшина Н. «Русский» дискурс // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюл. №25. С.21-24.
9. Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики //Славяноведение. 1995. №6.
10. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.
11. Юсупов М.М. Структура и движущие силы чеченского конфликта // Этнопанорама. 2000. №1.
12. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Социология религии: классические подходы. Хрестоматия. М., 1994.
13. Например: Данилов В., Мочалова И. Арийская история. Гибель и возрождение. М.: Грааль, 1998; Дугин А.Г. Тамплиеры пролетариата: национал-большевизм и инициация. М., 1997.
14. Шнирельман В.А. Ценности прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и политика // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Вып.3. Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2000.

N.S. Mukhametshina

BASIC ELEMENTS OF NATIONALISTIC IDEOLOGY

Symbols, myths and values are described as elements of an ideology in this article. The actual content of a typical ideology of an ethnic nationalism is analyzed. The main attention is paid to the modern ideology of Russian, Bashkir and Tatar nationalism.